

И ценности моей жизни

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С ВАСИЛИЕМ АКСЕНОВЫМ

Звездный билет на остров Крым

Писатель Василий АКСЕНОВ — фигура культовая для целого поколения. Поколение куда-то исчезло, а писатель остался. После выхода в 1979 году неподцензурного альманаха «Метрополь» был вынужден уехать в Америку. Сейчас преподает там в университете, издает книги, регулярно наезжает в Россию. И все-таки что-то ушло бесследно. Что можно сравнить с его славой в 60–70-е годы, когда глоток ироничной, свободной, джазовой аксеновской прозы входил в его молодых читателей глотком свободы, глотком счастья? И всего лишь одно разъяснение для тех, кто, может быть, не знает. Мама Василия Павловича, о которой он рассказывает в начале своего монолога, — писательница Евгения Гинзбург, автор знаменитого «Крутого маршрута».

Звериная серьезность борьбы поколений

● Стали ли эмиграция в Америку главным поворотным пунктом вашей жизни?

● Когда вы перестали быть культовым писателем?

● Что вообще происходит сегодня в литературе?

— У МЕНЯ в жизни было несколько поворотных моментов. Главный из них — эмиграция в Америку, а приезд, когда мне было 16 лет, в Магадан, к маме. После одиннадцатилетней разлуки это было, по существу, знакомство с ней. Юность совпала с переходом в абсолютно другую жизнь. Магадан по тем временам был самым свободным городом Советского Союза, поскольку многие не боялись говорить то, что хотели. Им нечего было терять, ну отправят опять в зону, да и хрен с ним.

Я вдруг оказался в интеллектуальной среде. Мама была на поселении, и народ из бывших зеков гнался к ней. Профессора, которые работали вахтерами или мыли полы, приходили каждую неделю, вели интересные разговоры. Для меня это имело колоссальное значение. Мама начала меня знакомить с частью запрещенной литературы, читая на память. В частности, Пастернака, которого она не только не печатала — это был 48–49-й год, — но и из библиотеки изъяли. Тогда, кстати, и Достоевского убрали с полки. Мама мне читала Гумилева, Ахматову, Игоря Северянина, которого она почему-то очень любила. Именно там я получил интеллектуальный заряд.

Самый драматический момент — когда ее забрали второй раз и я остался в 16 лет совершенно один. Было довольно круто. Я носил ей в тюрьму переделки, стоял в очереди. И видел толпы заключенных, идущих из порта в сторону карантинной зоны, — все с номерами на спинах, некоторые в кандалах. А мы жили недалеко, и каждый день я проходил мимо этих людей и невольно спрашивал маму: «Что это, кто это такие, как это может быть?» Но она не торопилась раскрывать мне глаза на происходящее. Однако прямых объяснений и не нужно было, я уже все понял. Я познакомился тогда с Советским Союзом.

Потом я учился в Ленинграде, в Первом медицинском. Это опять мне подсказала мать и ее муж, доктор Вальтер. Они сказали: «В литературный тебя не возьмут, в университет тоже не примут, иди-ка в медицинский — в лагере врачи лучше выживают». Нельзя сказать, чтобы я был убежденным доктором по призванию. А тут в 59-м году в журнале «Юность» напечатали два моих рассказа, довольно слабые, они прошли незамеченными. В следующем году подоспели «Коллеги», я не ожидал, что будет такой шум. Потом «Звездный билет». Тут полный скандал. Уже тогда нельзя было без скандала сделать себе имя. Не то чтобы у меня от успеха закружилась башка, но я решил, что мне надо отдавать все время литературе, и медицину забросил.

Властителем дум я себя не чувствовал и даже не понимал, почему столько народу ломилось на мои выступления. Однажды в зале сидело полторы тысячи студентов, а этажом выше шумел танцевальный вечер, и я сказал: «Шли бы вы лучше танцевать...» Нет, они сидели и выясняли, как там в «Звездном билете», была Галья верна герою или нет. Когда снимали в Таллине фильм «Мой младший брат», там Олег Даль, Андрей Миронов и Сапса Збруев играли главные роли и после съемок они сидели в каком-то кафе в той одежде, в которой снимались, —

джинсики, какие-то курточки. И человек за соседним столиком говорит: «Вы знаете, ребята, тут вышел роман в «Юности», вы очень похожи на его героев». Они говорят: «Так это мы и есть!»

Сейчас, конечно все изменилось. Если и осталась некоторая «культовость», то она не выходит за пределы межчеловеческого общения. Я был года три назад возле Керчи, там такой пустынный залив, я шел по кромке моря. Мне навстречу молодой человек с собакой. Я присмотрелся и ахнул: мне навстречу бежал мой коккер-спаниель. «Боже, — говорю, — это копия моей собаки!» — «Уши-ка?» — спрашивает тот. Человек знал даже про мою собаку... Таких примеров довольно много. В прошлом году был в Астрахани — жуткое место возле рынка, полуазиатская толпа, и вдруг из троллейбуса выскочил человек и несется ко мне сквозь толпу: «Я не верю своим глазам — это вы?» Оказался, читатель. Профессор местного пединститута.

Я не жалуюсь на невнимательность читателей. И молодых людей встречаю, которые читают и увлекаются моими вещами. Другое дело, что в нашей литературной жизни сложилась враждебная среда. Враждебная ко всем вокруг и, в первую очередь, к тем, кто своим образом жизни раздражает, либо местом проживания. Я думаю, что становилось некоторой жертвой этой автоматической вражды. Я не член тусовки и не могу впрямую защитить свои книги. Я пишу третью большую книгу — «Новый сладостный стиль», это лучшая моя вещь — она здесь выходит и получает всего две-три рецензии. На книгу рассказов вообще ни одной рецензии. То же с «Московской сагой». Признаюсь, если я до недавнего времени думал, что главное мое литературное пристанище — здесь, то сейчас стал в этом сомневаться. Когда выходит моя новая вещь в Штатах, то все литературные еженедельники тут же откликаются. То же во Франции, где продажа моих книг выше, чем в России!

Хотя, сравнивая с прежним, грех жаловаться. Все, что я пишу, издается и переиздается. Помню, за три года до моего отъезда ко мне пришла два товарища и сказали, что у них есть рукопись моего романа «Ожог» и чтобы я не вздумал его печатать за границей. Я говорю: «А где вы его взяли-то, этот роман?» Они говорят: «Это наша работа». И добавили фразу, изумившую меня благородством: «Только не подозревайте своих товарищей».

Давление было ужасное и со стороны Союза писателей, и со стороны Комитета. Просто ходили за мной, устанавливали подслушивающие устройства. Мы приезжали на дачу, а дворничка сообщала: «Тут заходили три молодых человека, взяли лестницу, заехали на ваш чердак и что-то там делали». И потом они меня еще и предупредили: «Знаете, вам надо быть очень, очень осторожным. Особенно за рулем». Так что в конце концов меня «ухали» с одновременным предложением отправить совсем в другую сторону.

В Америке я погрузился в университетскую жизнь. Вся моя «политическая деятельность» заключалась в том, что раз в неделю я приходил на «Голос Америки» и записывал текст. Иногда подписывал «письма». Помню, когда в «Московских новостях» напечатали «письмо десяти», в «Правде» появилась статья товарища Корнилова, где он писал: «Аксенов и Ко», подражая, что я и организовал всю эту «недостойную кампанию». Хотите верить, хотите нет, но я к этому документу имел довольно косвенное отношение, ни разу не прочитав его полностью. Просто позвонил Буковский и спросил, подпишу ли я? Я говорю, ну, конечно, как не подписать.

Основная же подрывная деятельность заключалась, видимо, в моем обращении к радиослушателям: «Добрый вечер, господа!» Мне рассказывали, что люди, обычно собираясь здесь на какой-нибудь выпивку, включали радио и когда слышали: «Добрый вечер, господа!» выключали его и говорили: «Ну теперь поехали...»

Что до литературы, то мне не нравится, когда возникает литературные жеперочки, которые загода формулируют теории, а потом начинают подверстывать к ним все. Даже романы пишут, чтобы оправдать теории! Для меня в литературе самое важное — спонтанность. Не подгонять книгу под идеологическую или литературоведческую схему, а делать так, чтобы роман сам рос, сам ко-

мандовал писателем. Я еще за три страницы до конца не знал, чем кончится «Новый сладостный стиль», пока вдруг в голову не пришла идея «археологического трупа». Труп, покрытый медом из расколовшейся амфоры и так окаменевший, и в нем герой узнает себя.

У меня есть роман: «Скажи изюм». Когда он вышел, здесь многие обиделись, что я изобразил в нем «Метрополь» и всех поименно оскорбил. На самом деле там нет ни Ерофеева, ни Попова, ни Липкина. Там есть продукты беллетристического соединения многих характеров. И тот же герой «Нового сладостного стиля» лично ко мне имеет небольшое отношение. Может быть, гораздо больше к Высоцкому, и одновременно к Тарковскому, и одновременно к Юрию Петровичу Любимову. И так во всех книгах. Я бы хотел считать себя беллетристом. Не больше, но и не меньше.

Мне кажется, что нигде в мире сегодня нет культовых писателей в прежнем смысле. Сэлинджер может делать себя культовым писателем — довольно простым приемом — не писать ничего. Люди ходят, показывая друг другу: «Вот имени Сэлинджера», пытаются проникнуть внутрь, на них летят жуткие псы, которых спускает сам писатель. Вот так образуется культ. Или Воннегут заявляет, что больше не будет писать. Как будто боксер, который говорит, что уходит с ринга. А так в Америке все те же, кого мы знаем: Стайрон, Алдайк, Филип Рот... Недавно натолкнулся в статье молодого критика на слова: «Алдайк и Рот — эти ломовые лошади американской литературы...» И там идет своя борьба поколений. Но не с такой звериной серьезностью, как у нас.

Купить Крым и Украины

● Оправдались ли ваши надежды на реформы в России, которые вы так ждали?

● Обидели ли народ в сегодняшней ностальгии по прошлому?

● Ваши взгляды на будущее России?

— Я БЕСЕДОВАЛ со многими эмигрантами, диссидентами, и никто из них не помыллял, что произойдет такая невероятная криминализация постсоветского общества. Не знаю, было ли это полной неожиданностью для тех, кто сдал позицию. Может, они готовились к этому? Во всяком случае, я

чаю, — слезы текут, — у меня и машина-то всего «шестерка»... Все шустрат, зарабатывают как могут.

В обществе происходит опьянение деньгами. 75 лет были сертификаты, на которые что-то надо было достать, стоять в очереди, давать на лапу. И вдруг появились деньги, на которые можно купить что угодно, поехать за границу. Из-за финансовой реформы произошло чудо — превращение деревянных рублей в настоящие. Народ опьянел и малость «поехал». Огромные массы людей сейчас стараются обогатиться и очень этим увлечены. Открыть хороший магазин — это ведь не меньшее творчество, чем написать роман. И все это существует вместе с совсем несчастными, которые не могут приспособиться. О них, как везде, должны заботиться государство или благотворительные фонды.

Но то, что мне не нравится все больше — с каждым годом, с каждым годом, — это изменение общественного климата. Все ощущаем антизападный гон, в котором даже интеллигенция начинает принимать участие. Ужасная ностальгия разлита повсюду и особенно на телевидении. Включая на днях и вижу фильм, где Владимир Ильич Ленин — такая душка, такой умный и великий, и все красногвардейцы такие замечательные. Да смотрите хоть «Кубанские казаки», но научитесь осмысленно относиться к этому. Никита Михалков говорит на съезде, что советская кинематография за годы своего существования никогда не теряла своего достоинства, — как это можно? Сколько они лизали большевистские сапоги! Сколько драни изготовили! И при этом говорить о великом достоянии...

И то, что коммунистическая фракция является самой сильной фракцией в Думе после всего, что было сказано о деятельности этой партии, о ее учении, об империи лжи, созданной после империи крови, — это один из самых печальных моментов. Народ почему-то ни фига не понял, что произошло. И возникла ностальгия, а чистейшая шизофрения — расколотое сознание. Я был в поселке Свиристрой, там стоит огромный Ленин, и спросил местного человека: «На что он вам? Тот: «А на всякий случай».

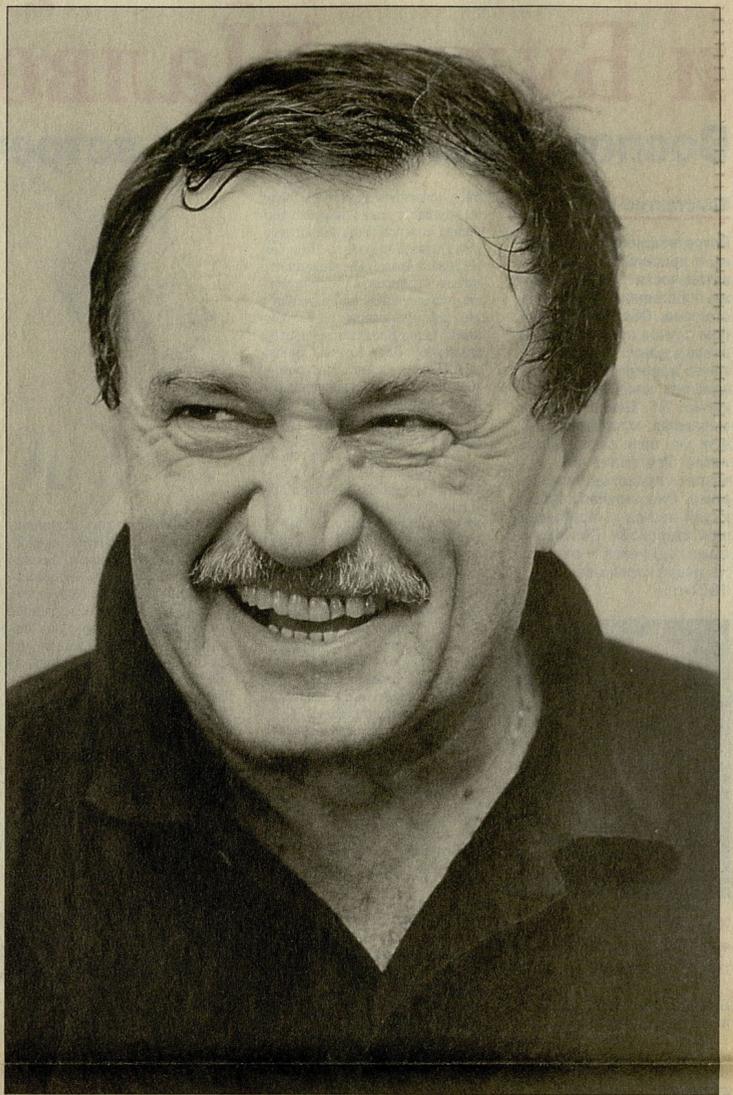
Я пылся в прошлом году на теплоходе из Москвы в Петербург через Волга-Балтийскую

Я говорю не о депрессиях по отношению к ним. Но указывать на этих людей, напоминать некоторые моменты из их биографии — необходимо. Во что превратили слушания по делу о преступлениях партии? В пародию. Я помню, как Фалин смеялся с дерьмом Шахрая, который ни слова не мог ему сказать, когда каждый пункт обвинения тот осмеивал при всех. Почему никто не сказал, что именно вы, Фалин, лично отвечаете за то-то и то-то, поскольку сами были адептом этой империи лжи? И вот постепенно общество сдвигается в эту грязную, липкую, вонючую лужу.

Глядя в отдаленное будущее, мне кажется, мы находимся не при конце деэтизации России, а, к сожалению, только в начале процесса. Уже сейчас на сцене несколько России, и, видимо, это будет продолжаться. В данном случае я «империалист» и хотел бы сохранить имперское целое, но события могут катастрофически покатиться или в результате финансовой катастрофы, или какой-нибудь этнической войны. И в опасной ситуации возможны два варианта. Или Россию защищает Запад как всю весомую и интегрированную часть. Или в один прекрасный момент ее поглощает Китай — сейчас такой мирный, такой торговый и все-таки красивый. Он может поглотить эту землю без всяких усилий, и Россия тогда станет его жалким вассалом.

А то, что именно благодаря Западу жизнь в России основательно ухудшилась за последние три-четыре года, для меня очевидно. Тут и роль доллара как стабилизирующей валюты, и то, что Запад балансирует ситуацию в критических случаях, приглашая Россию к партнерству. И при этом мы собираемся объединяться с Китаем, имея в виду, что — против Запада? Объединяйтесь, пожалуйста, если хотите быть сателлитами.

Кровавые конфликты на самом деле назревают. Например, по поводу Крыма. Может, вы будете смеяться, но я думаю, что Россия должна купить Крым у Украины. Не сегодня, не завтра, но, скажем, по прошествии лет десяти предложить хорошую сумму. Я ездил в Керчь по приглашению «Воспорского форума культуры», который проводит группа молодых авангардистов, словно вышедших из романа «Остров Крым». Им кажется, что Крым должен превратиться в землю обетованную мировой интеллектуальной элиты, кото-

Дети хотят быть как все

● Не разочаровались ли вы в Америке, когда попали в нее?

● Расскажите о своей американской жизни, о ее проблемах?

● Как вы относитесь к «американскому» нынешней российской жизни?

— В 65 ЛЕТ во всем разочаровываешься. В том числе и в Америке. Последняя антиклинтоновская кампания — просто настоящее свинство. Все думаю, что это любовная интрижка — совсем нет, это заговор. Республиканцы подслунали наемных профессиональных стукачек и острепяли дело. Прокрутор, которому бы работать в КГБ 53-го года, одержим какой-то жуткой ненавистью к президенту. Была объявлена охота на Клинтону. Они ставили на вещь, которая всегда как бы существовала в американском народе, — на его пуризм. И вдруг оказалось, что этого нет. И чем больше Клинтон травил, чем больше предоставлял доказательства, тем выше поднимался его рейтинг.

Не представляете, как это волновало всю страну. Я тоже завелся. У меня есть приятель, Сапа Половец, редактор русской газеты «Панорама» в Лос-Анджелесе. Он был у Клинтон на приеме с редакторами «малой прессы». И подошел к нему и сказал: «Господин президент, я хочу заверить, что все наши читатели на вашей стороне». И, представьте, малый заслезился, заплакал, обнял Сапу — есть фотография — за то, что его поддержали.

Конечно, на самом деле скандал этот — порождение «политической корректности». Я расскажу характерный случай. Я принадлежу к группе «профессоров Кларенса Робинсона» — это тот, что дал деньги на развитие университетских программ. И вот мы обсуждаем кандидатуру профессора на основательное место. Один говорит: «Братцы, что же мы делаем: опять — белый, опять — мужчина, опять — больше пятидесяти. Нас же не поймут». И тот, кто кандидатка выдвигал, говорит: «Как жалко. Он так расстроился. Ведь он же, знаете, зайка». Оживление: «Ах, он — зайка? Это меняет дело!»

В общем-то я вырос в университетской среде. Вот, кстати, был в этом году показательный момент. Университет расположен в самом центре так называемого «Вирджинского полигона высокой технологии». Стоят огромные стеклянные здания фирм. Уже на втором

курсе там начинают интервьюировать наших студентов и предлагать хорошую зарплату. Пришел в университет новый президент и решил сокращать программу «свободных искусств», превратить университет в профессиональную школу «трудных резервов». Зарубил русскую, французскую, немецкую литературу, зарубил почему-то теоретическую физику. И был настоящий бунт преподавателей, масса собраний, выкриков, дескать, подорывается концепция университета. Кого мы готовим: членов «большинства» или членов «меньшинства»? Я настаивал, что студенты должны себя чувствовать «меньшинством». В конце концов русскую программу вернули.

У меня два курса. Первый — это продвинутые филологи англоязычной литературы. Другой — младшие студенты из разных факультетов: компьютерщики, биологи, экономисты. Масса студентов из арабских стран, из Турции, Пакистана, Ирана. Они никогда в жизни не слышали таких фамилий, как Мейерхольд или Бенедикт Лившич. И я им их беспощадно вдалбливаю. Был у меня студент Билл Уилкинсон, капитан ВВС, который вдруг написал работу о Мейерхольде. Я ему говорю: «Билл, ты, наверное, единственный летчик по обе стороны Атлантики, кто знает это имя».

К сожалению, кириллица считается ведомостью для американцев. Поэтому у нас в отделе очень трудно отыскать косяк, который бы учил русский и читал в оригинале. А так русской литературе все очень увлекаются. Толстого и Достоевского можете купить в дешевом издании в любой сельской лавке. Сейчас вдруг Пушкин становится известным.

У меня маленькая собака, которую жена Майя назвала «Пушкин». Когда она вывезла его в Америку, это был щенок с голым розовым пузом, с крысиным хвостом. Он сидел в своей клеточке, и таможенный офицер посмотрел и спросил: «А это еще кто у вас такой? Жена сказала: «Это Пушкин». — «Поэт?» И стал целовать его в нос через клетку.

Мой последний роман «Новый сладостный стиль» — это, в общем, концентрация моего американского опыта. Эмиграция — тяжелый, чудовищный опыт, и я не советую его пробовать. В «Грустном баби» я писал, что эмиграция сродни собственному похоронам. Только после похорон вегетативная система успокаивается, а тут — нет. Когда я там оказалась, изоляция от России была стопро-

центной. Несколько лет я никого не видел. И дозвониться было трудно, потому что автоматическую станцию закрыли. Была настоящая изоляция. Потом люди стали проникать по одному. Потом накатилась целая волна, и в моем доме в любое время года обязательно спал советский гражданин. Я как-то пришел поздно, мне жена говорит: «Подъехала масса народу». Я говорю: «Надеюсь, в моем кабинете нет никого? Поднимаюсь, а там на диване лежит Пригов».

Русская культура сейчас переживает детский период опьянения деньгами. «Макдоналдсом», «Титаником». Особенно это интересно молодым людям. Массовая американская культура по самой своей сути — детская. Тот же «Титаник» делали для детей даже не старшего, а среднего школьного возраста. А у детей, как известно, колоссальное чувство стадности, желание быть «как все».

У меня есть приятель, бывший мой издатель, раньше работавший корреспондентом в Москве, — Питер Оснос. Он родился в еврейской семье, которая какими-то кружками путями приехала в Штаты из Румынии и обосновалась в Нью-Йорке. И Питер рассказывал, как он был совсем маленьким, пошел в школу и чувствовал, что не понимает, что происходит. Почему его родители — не такие, как все вокруг? Это его интересовало и страшно мучило, потому что дети хотят быть такими, как все. И наконец, говорит, он понял, в чем дело: они не видят кока-колу!

Я пылю по многим детям эмигрантов, которые погружаются в мир американских мультишек и всей массовой культуры, чтобы не отличаться от тех, кто вокруг. Потом они вырастают и говорят: «Идите, гады, к черту, я — русский!» Примерно то же самое происходит сегодня в России. Когда молодые люди увлечены деньгами и всем им сопутствующим, не мешая им сказать, что деньги — это, конечно, хорошо, но жизнь на деньгах не замыкается. В жизни есть еще другие вещи и обстоятельства. Необходимо какой-то щепетильный романтизм.

Я говорю своим студентам: «Может, вы и приходите ко мне только за отметками, но я бы хотел, чтобы после моего курса вы почувствовали себя членами «меньшинства», каким всегда была интеллигенция».

Записал Игорь ШВЕЛЕВ Фото Сергея ХВОРОСТОВА

Газета «Общая» должна быть и «Частной!» Желая успеха в вашей благородной работе

встречал в начале 80-х явно хорошо подготовленных ребят, которые открывали в Западной Берлине лавки, банки, обменные бюро и тому подобное.

И все же многие надежды оправдались. В стране есть свобода передвижения. Свобода слова существует на деле. Во время приездов раз в полгода видишь: что-то изменяется, как здесь сейчас говорят, «на корневом уровне». Возникает фантастическое изобилие товаров, растут торговые центры, и денег у населения все-таки становится больше, несмотря на невыплату зарплат.

В прошлом году мы ехали из Самары, и проводница, милая женщина, зашла к нам в купе пожаловаться на жизнь: «Все только матом посылают. Почему? Неужели я заслужила, чтобы каждый хам меня посылали матом?» И дальше без всякой логики: «26 лет работаю на железной дороге, получаю такую пенсию, — плачет, — шестьсот каких-то тысяч полу-

систему и когда заказывал по телефону билеты, мне послали, что корабль называется «Леонид Собинов». Ну, думаю, на «певце» поплыть. Прихожу — а это «Леонид Соболев». Плыть, а навстречу теплоход «Юрий Андропов». И — «Орджоникидзе», и «Киров», и «Карл Маркс», и все прочие. А на флагштоках реют трехцветные флаги буржуазной либеральной республики... Это не шизофрения?

Нельзя, думаю, винить народ в создании этой атмосферы. Не народ, но часть народа — можно. Мы думаем, что коммунизм далеко, а он близко, если каждый пятый из народа голодает за коммунистов или за аграриев. В советское время мы говорили: «Каждый пятый — стукать». Теперь каждый пятый — плакальщик по прошлому. И когда власти выдвигают идею национального согласия, то это вздор полнейший. Ну как можно быть в согласии с теми, кто тащит портреты Сталина?

рая будет там собираться.

Было забавно, хотя сегодня это совершенно ужасный город, который ни на Юту не сдвинулся с советской чокчи, — все эти доски памяти, памятники, гари от совершенно ненужного индустриального комплекса. Я оставил на ночь открытым окно и проснулся искусанный мухами, которые летели с рядом расположенной бойни. В центре гостиничного номера «люкс» торчал из паркета острый вверх огромный гвоздь, чтобы было удобней врать брюки. Словом, город без излишеств.

При этом — маленькие коммерческие магазинчики со всевозможной дрянью. Я туда зачем-то зашел, сидят три женщины, говорят: «А вы откуда такой? Какой-то ховор у вас дыкий». Я говорю: «Из Москвы». — «У-у, из Москвы!» — «Я не один приехал. А двенадцать человек. И все мужичины». Они оживились: «Вот хорошо, а то у нас и мужичин уже нет, одни ракетеры».